

Мосалева Г. В.
ORCID ID: 0000-0001-5342-7305
Ижевск, Россия
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

УДК 821.1 61.1-31(Лесков Н. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-8,444

МЕТАФИЗИКА ТВОРЧЕСТВА В «ЛЕВШЕ» Н. С. ЛЕСКОВА

Аннотация. В статье обращается внимание на иконичность образа Левши, на его изображение в аспекте юродства. Рассматривается вопрос о соответствии юродивого героя «чрезмерной», юродствующей речи рассказчика. История о Левше предстаёт как миф о народе, способном усовершенствовать иноземное техническое изобретение «чудесным образом». Выявляются религиозные аспекты, связанные с проблемой восприятия художественного творчества, его природы и смысла. Отмечается важная онтологическая и эстетическая роль экфрасиса иконы «мценского Николая» в «Левше». Устанавливается влияние агиографического канона на сюжет Левши, развивающегося наподобие жития-маририя. Левша предстаёт перед англичанами как посланник царя и исповедник отеческой веры, как соборная личность, олицетворяющая собой русский народ как народ Божий. Абсолютными ценностями Левши являются вера и родная земля. Конфликт состоит в противостоянии европейского (Англия) рационального и восточного (Россия, Афон) внерационального мировосприятия, «хитрости» и «художества» как различных типов творчества. В «Левше» обнаруживаются практически все основные свойства церковно-книжного канона: теоцентричность, иконичность, литургичность, христианский символизм, вероисповедность, сотериологичность, – проявляющегося в многообразии письменных и устных жанров отечественной словесности (сказ, легенда, сказка, житие, религиозный экфрасис, паломничество). Ипостась авторства реализуется в тексте через отказ от «я» и обретение соборного статуса художника.

Ключевые слова: Н. С. Лесков; теоцентризм; юродство; поэтика; вероисповедничество.

Mosaleva G. V.
ORCID ID: 0000-0001-5342-7305
Izhevsk, Russia
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

METAPHYSICS OF CREATIVITY IN “LEFTY” BY N. S. LESKOV

Abstract. The article draws attention to the iconic image of the Lefty, to his image in the aspect of foolishness. The question of the compliance of the holy fool hero with the “excessive”, foolish speech of the narrator is considered. The story of Lefty appears as a myth about a people capable of improving a foreign technical invention in a “miraculous way”. Religious aspects related to the problem of perception of artistic creativity, its nature and meaning are revealed. The important ontological and aesthetic role of the ekphrasis of the icon of “Mtsensk Nicholas” in “Lefty” is noted. The influence of the hagiographic canon on the plot of Lefty, which develops like a life-martyrium, is estab-

lished. The left-hander appears before the British as an envoy of the tsar and a confessor of the paternal faith, as a conciliar personality, personifying the Russian people as the people of God. Lefty's absolute values are faith and native land. The conflict consists in the confrontation between the European (England) rational and Eastern (Russia, Athos) non-rational worldview, "cunning" and "art" as different types of creativity. In "Lefty" almost all the main properties of the church and book canon are manifested: theocentricity, iconicity, liturgy, Christian symbolism, religious confession, soteriological, manifested in the variety of written and oral genres of Russian literature (tale, legend, fairy tale, life, religious ekphrasis, pilgrimage). The hypostasis of authorship is realized in the text through the rejection of the "I" and the acquisition of the artist's conciliar status.

Keywords: N. S. Leskov; theocentrism; foolishness; poetics; confession.

Знаменитый сказ Н. С. Лескова был опубликован впервые в Литературном отделе газеты И. С. Аксакова «Русь» в 1881 году в №№ 49–51 под заголовком «Сказ о *Тулском* (выделено мной. – Г. М.) косом левше и о стальной блохе (цеховая легенда)» [Лесков 1881]. Впоследствии он был включен Н. С. Лесковым в цикл «Праведники».

Размещение «Левши» в издании восточников, или славянофилов, недвусмысленно проявляло симпатии Н. С. Лескова к этому течению русской мысли. В примечании к первой публикации «Левши» Н. С. Лесков рассказал о том, что он «записал эту легенду в Сестрорецке» от одного оружейника. Однако чуть позже в заметке «О русском левше (Литературное объяснение)», опубликованной в газете «Новое время» 11 июня 1882 года, Н. С. Лесков признаётся, что «весь» этот рассказ он «сочинил в мае месяце прошлого года» (1881), и Левша есть лицо «выдуманное», что это «не легенда, а шутка или прибаутка» русского человека «над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость» [Лесков 1958: 219-220]. Как видим, спор о «подлинности» легенды «инициировал» сам Н. С. Лесков.

Известно, что Н. С. Лесков – талантливый литературный мистификатор, поэтому история о Левше, конечно, плод его художественной фантазии. Чтобы соответствовать требованиям реалистического направления, Н. С. Лесков вынужден был в подзаголовках своих произведений, предисловиях или примечаниях ссылаться на «достоверный источник» сочинённой им «художественной истории».

Ссылка на записанную легенду в дальнейших публикациях исчезает, а указания в заглавии рассказа на два жанра повествования (на сказ и цеховую оружейную легенду) остаются. Обе предполагают устную форму и существование народного рассказчика, дистанцирующегося от литературной речи. Вместе с тем во внутренней структуре лесковского текста обнаруживаются ещё и элементы *сказочной поэтики*. Н. С. Лесков с его любовью к «старой русской сказке» вне её поэтики и не представим. В «Левше» она проявляется в употреблении сказочных формул: «Утро

вечера мудренее», в «чудесных» предметах (тройной футляр, скрывающий «блоху»), в существовании «царской темы». В последней главе Н. С. Лесков называет своего героя «баснословным», «эпическим», повторяя эти наименования несколько раз. Басня – жанр эмблематичный и моралистичный. Однако Н. С. Лесков помещает героя басни в трагический контекст: в финале праведный народный герой погибает. В результате совмещения несовместимого преодолевается морализм «басенного сюжета» и рождается символизм художественного образа.

Все три жанра (сказ, легенда, сказка) как элементы жанровой литературной игры-стилизации Н. С. Лескова способствуют предельной символизации героев. По степени символизации образ *Тульского косоного левши* предельно близок иконичному образу Памвы – символу православной святости. Образ Тульского косоного левши тоже символизирует святость, но не каноническую, а юродскую [См.: Федотов 2004].

«Левша» – один из текстов Н. С. Лескова, входящих, по определению С. Н. Дурылина, в его «Божественную легенду», в «художественную легенду православия», а сам герой является одним из характерных лесковских праведников, «сосудов в поношение» [Дурылин 1913].

Помимо споров о «подлинности» истории в «Левше», почти сразу же после публикации возникли и споры о герое. Н. С. Лесков согласился с мнением критиков о том, что в образе Левши, возможно, отразилась его «обобщающая мысль» о русском народе, но категорически возразил как на обвинения в унижении народа, так и на обвинения в лести народу образом Левши [Лесков 1958: 219-220].

Сам внешний облик Левши в полной мере соответствует юродивому: помимо того, что он «косой» и «левша», у него «на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны» (197)¹.

«Леворукость» Левши, его физическая «дефектность» дали основание некоторым критикам связать его образ с миром нечистой силы [Кучерская 2021: 437-438], хотя эта «связь» в сюжете «Левши» никак не поддерживается. А вот юродство героя служит предметом изображения до самого финала. На наш взгляд, «левизна» героя является у Н. С. Лескова свойством юродской святости, знаком особой, в том числе и физической отмеченности героя. В «юродском» виде, «как он есть», Левша входит к государю: «Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится», да ещё и «тугамента» нет (205).

Органичным языком рассказа о святом туляке явилась юродствующая речь лесковского рассказчика, соответствующая герою-юроду. Не все критики сразу оценили ее красоту. А. Л. Волынский назвал её стилем «без-

¹ И далее цит. по: [Лесков 1989] с указанием страницы в тексте статьи.

образного юродства» [Волинский 2011: 75]. Защищая «Левшу» от критики А. Л. Волинского, А. А. Измайлов, напротив, замечает, что «“Левша” решительно не поддается пониманию человека, чуждого русскому духу» [Измайлов 2011: 412]. Однако сам А. А. Измайлов продолжает смотреть на героя и на само произведение с позиции критического реализма XIX века.

По признанию К. Н. Зайцева, «Левша» тоже казался ему поначалу «лубочным»: «... у Лескова стал появляться в языке завиток столь цветистый, что за это нередко его корят». По прочтении же в зрелые годы К. Н. Зайцев поставил «Левшу» в один ряд с «Запечатлённым ангелом» и назвал шедевром [Зайцев 2018: 284].

История о баснословном Левше со временем превратилась в народный миф, точнее, в миф о народе, противопоставившем стальной блохе как западной технической «пустяковине» (хитрости, удивлению) *художественную удачу* (художество) русского мастера. Действительно, в сюжете лесковского «Левши» реализована установка древнерусского книжника на понимание творчества как «художества», а не «хитрости» [Левшун 2001: 39].

В рассказе Н. С. Лескова сталкиваются английская машинная цивилизация и русский гений-самоучка, изготовивший «изделие» как ему Бог на душу положил, то есть самым «чудесным» образом.

«Хитрость» английских мастеров пресекалась художеством тульских оружейников, остановивших механические «дансе» и «верояции» английского изделия. «Художество» тульских мастеров онтологически противопоставлено хитрости англичан, но эстетически и поэтически оно стало «хитростью хитрости», то есть ещё более усложнённым художеством, доступным для созерцания через техническое средство – «мелкоскоп».

В рассказе, как видим, актуализирован не социальный и даже не гуманистический аспект понимания героя, а религиозный, духовный. И уже в связи с религиозными аспектами в рассказе ставятся вопросы о природе и смысле творчества, об отношении художника к родной земле.

Тульские оружейники не сразу приступают к работе, а «подумавши и с Божьим благословением» (197). В древнерусской словесности трудно найти хоть один текст вне молитвенного канона «Господи, благослови» и финального «аминь»: «Тяжелейшим обвинением для книжника было уличение в самовластном, не получившем благословения свыше творчестве. То, что не от Бога, не через Дух, то – от лукавого» [Левшун 2001: 44]. Процесс творчества воспринимается туляками как процесс богопознания.

Рассказчик характеризует туляков как людей, сведущих и «в металлическом» деле, и как первых знатоков «в религии», наполняющих славою и «родную землю» и «святой Афон». Три тульских мастера совершают паломничество перед важной работой, как отмечает рассказчик, не в Москву и Киев, а в уездный город Мценск, к «камнесеченной иконе» чудотворца Николая Мирликийского, приплывшей «в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше» (199). После-

дующее описание иконы представляет собой тип религиозного экфрасиса. Сюжетные экфрасисные вставки – характерные свойства лесковского повествования. На иконе св. Николай «на одной руке держит храм, а на другой меч – «военное одоление», в котором, как подчёркивает рассказчик, «заклучался смысл вещи»: «мценский Никола» был «в особенности» покровителем «торгового и военного дела». Туляки отслуживают молебен у иконы и у каменного креста, а возвратившись, затепливают лампадку перед Николиным образом в домике у Левши и только после этого начинают работать.

Сюжет Левши развивается как агиографический. Праведник на пути к своему спасению претерпевает труды, искушения и скорби.

Донской казак Платов, радеющий о русской славе, с Левшой ведёт себя так, словно в него вселяется злая сила. Забирая Левшу в Петербург, Платов бросает его к себе в коляску «вроде пубеля», сажает до времени в «крепостной каземат», бьёт и таскает его за волосы, думая, что туляки «редкостную вещь испортили» (204). Левша смиренно выносит унижения, побои и тюрьму. Однако, убедившись в невинности Левши и мастерстве туляков, Платов меняет гнев на милость, называя Левшу вслед за государем «братцем» (а прежде – «дураком»), всячески ему покровительствует. Во время разговора с государем выясняется и «тайна» мастерства туляков, не «проронивших» слово государя Николая Павловича и не обманувших его надежд. В награду за работу государь делает Левшу своим посланником, давая поручение отвезти подкованную блоху «назад, в Англию» «вроде подарка», «чтобы там поняли, что нам это не удивительно» (207) и что русские мастера смогли превзойти работу английских.

Перед путешествием Левши Платов его крестит и благословляет, обещает прислать собственной кислярки в знак особого благоволения; граф Кисельврде приказывает обмыть, остричь и одеть «в парадный кафтан с придворного певчего» (207). Все эти «приготовления» по «обформированию» Левши имеют характер символического инициального обряда перед значительным, сакральным событием.

Таким событием становится *вероисповедный разговор* Левши с англичанами в пятнадцатой главе. Этому разговору, казалось бы, противоречит «легкомысленное» поведение Левши во время его путешествия в Англию: Левша пьёт вино, заменяющее ему пищу, и распевает русские песни, соединяя их с французским припевом, то есть ведёт себя как форменный «дурачок». Однако в соотнесении с юродством такое поведение, напротив, выглядит образцовым. Кстати сказать, Левша пьёт по пути в Англию, в самой Англии и по пути в Россию, то есть вне «родного пространства», воспринимаемого Левшой как святое.

В Англии Левша отказывается пить «чужое» вино: «горячий студинг» и зелёную водку. При встрече с англичанами Левша опасается, что вино может быть отравленным и отказывается пить первым. Пьёт Левша,

перекрестившись левой рукой, чем вызывает у англичан удивление. Поведение Левши и его ответы также соответствуют феномену юродства.

Англичане спрашивают у Левши, «где и чему учился и до каких пор арифметику знает?» (209). Из ответа Левши следует, что арифметики русские мастера не знают, а учатся все по Псалтири и Полусоннику. Упоминание Псалтири служит указанием на духовную традицию в деле обучения. Сонник, напротив, на магическую, языческую. И Псалтирь, и Полусонник противопоставлены рациональному знанию, науке.

В чтении таких книг англичане не видят пользы, указывая Левше, что при знании «арифметики» русские мастера смогли бы рассчитать, что машинка в нимфозории «ее подковок несть не может», а тем самым и мастерство показали бы и не испортили английской работы (210).

Но «наука» для Левши и не обладает ценностью, поэтому он легко соглашается с англичанами и заявляет: «мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные». Оказывается, что абсолютной ценностью для Левши является вера, преданность отечеству, что, в свою очередь, непонятно англичанам. Понимание «порчи» англичанами и туляками, как видим, разное. Для англичан «испортить», значит, нарушить знание законов механики. Для туляков – изменить вере, своему предназначению. Творчество туляков согласуется с любовью к отечеству (не только земному, но и в большей степени небесному). Англичане, словно не слыша слов Левши о его преданности отечеству, предлагают ему остаться у них и получить «большую образованность». Отказ остаться у англичан Левша объясняет своим беспокойством о родителях. Англичане, казалось бы, предлагают вполне рациональные решения, но для Левши именно в силу их рациональности и прагматизма они и неприемлемы. Англичане предлагают Левше выгоды для него самого, а Левша живёт заботой о ближнем и должном. Во всех ответах Левши англичанам фигурируют слова «родина» и «вера»: «Мы... к своей родине привержены... а родительница старушка и привыкши в свой приход в церковь ходить» (210).

В разговоре с англичанами Левша говорит не столько от себя, сколько от соборной личности, от всего верующего народа. На предложение англичан принять «их закон» и жениться Левша отвечает категорическим отказом, подчёркивая вероисповедные смыслы: «... наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, также точно должны верить и потомцы»; «наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее»; «у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы и мощи» (210). Жизнь по английскому «закону», женитьба на англичанке воспринимается Левшой как предательство своей веры, ведущее к гибели души.

Под конец Левша отвергает не только английских дам, но и слишком сладкий чай, являющийся образом благополучной, но чужой жизни. Выдержав все искушения, Левша остается в Англии на короткое время,

пока не обнаруживает беспорядок с ружьями. С этого момента Левша заблеживает тоской по России.

На морском пути в Россию «тоска» Левши по ней всё возрастает, он допытывается у спутников: «Где наша Россия?» и «нетерпеливо в родную сторону смотрит» (210). Россию Левша ощущает как Святую землю. Обратный путь на родину является для Левши единственной сакральной целью. Можно сказать, что Левша совершает *обратное паломничество* к себе на родину. Ему не интересен сам «путь» в неё, в соответствии с канонами путешествия на Святую Землю [Гуминский 2009: 63-65]. Он ведёт себя как страдающий по своим родителям доверчивый ребёнок. Из-за тоски он пьёт с английским полшкипером на пути в Россию, так как «родного места за волною не видно – пари держать все-таки веселее будет» (214). Оба допиваются до белой горячки, до видения в воде нечисти: англичанин видит «черта рыжего», а Левша тёмного, «как мурин» (215).

Англичане щедро одаривают Левшу, но их подарки не идут ему впрок. Ослабшего от пьянства и болезни, по возвращении в Россию Левшу грабят свои же люди, его не соглашаются принимать в больницу без «туга-мента», пока избитого и умирающего не свозят в Обухвинскую больницу.

Хлопочет о Левше его английский друг-полшкипер, но и в смертный час Левша думает не о себе, а о том, как секрет о ружьях передать государю. Ради Левши полшкипер бежит к графу Клейнмихелю и укоряет его: «Разве так можно! У него... хоть и шуба овечкина, так душа человечкина» (216). Овца – символ агнца Божия. Левша тем самым воплощает собой христианскую кротость и человечность, живую душу. На стороне Левши, кроме полшкипера, оказываются имеющий «простые чувства» казак Платов, комендант Скобелев, русский доктор Мартын-Сольский, которому Левша перед смертью сообщает «военный секрет» для его передачи государю. Однако «злая сила» в лице графа Чернышева препятствует донесению секрета до государя. Военный министр с презрением выслушивает русского доктора и выставляет его: «... не в своё дело не мешайся: в России на это генералы есть» (217). О словах Левши доктор вновь напоминает министру уже во время неудачной Крымской кампании. Но даже трагические обстоятельства, по сути, вопрос жизни страны, не трогают государственного чиновника, выступающего в системе ценностей «Левши» как тот же «мурин».

Трудно преувеличить значение Н. С. Лескова в изображении им праведников, однако и лесковские образы «злой силы» невозможно преуменьшить. В социальном зле Н. С. Лесков, как Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский, увидел и показал его inferнальную природу и сущность, как и его причины, куда более глубокие, чем их часто объясняют.

Агиографический сюжет Левши завершается вполне канонически, если иметь в виду житие-мartyрий, поэтому трагизм его жития правильный и единственно верный. Христианин прежде всего думает о том, как

спасти свою душу, а не жизнь как таковую, живя в контексте вечности. В критике же рассказ чаще всего воспринимается в аспекте гуманистических ценностей [Ранчин 2018; Кучерская 2021], оторванных от христианских. Левша является художником-исповедником, зорко («без мелкоскопа») отделяющим «свое» от «чужого». «Мелкие гвоздики», выкованные Левшой для подковок, внешнему наблюдателю можно увидеть только с помощью «мелкоскопа», а сам мастер выполняет эту ювелирную работу, что называется, «на глаз»: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши» (207).

В плане исторических и державных смыслов «Левша» – это история об отрыве высшей государственной власти от веры и идеалов своего народа, об утрате соборного единства. Как мы помним, Левша ощущает себя частью целого и говорит, как правило, не от «я», а от «мы».

Образ идеальных, по-христиански «братских» отношений между государем и народом Н. С. Лесков показывает в сюжете с Николаем Павловичем. Он противопоставлен Александру I как искателю «английских удивлений». О замысле представить «картины народного творчества об императорах: Николае I, Александре II и Александре III (хозяйственном)» [Лесков 1881] в виде трёх очерков под общим названием «Исторические характеры в баснословных сказаниях нового столетия» Н. С. Лесков сообщал И. С. Аксакову в письме к нему в мае 1881 года: «Всё это очень живо, очень смешно и полно движения... не дерзко, а ласково, хотя не без некоторой правды в глаза. Короче – это цензурно и не обидно» [Лесков 1881]. В «Левше», как видим, реализован лесковский замысел о Николае I. Причём в подходе к «царской теме» нет и намёка на сатиру. Напротив, Н. С. Лесков заявляет о своей решимости воплотить её «живо», «смешно», динамично, «не дерзко, а ласково», «цензурно и не обидно», то есть Н. С. Лесков собирался говорить истину царям в державинском духе – «с улыбкой».

В плане религиозных смыслов перед нами история о юродивом геро-оружейнике, высшей ценностью которого является любовь к своему Отечеству и вере. Н. С. Лесков изображает любовь Левши к родной земле как свойство святости. Трагизм лесковского героя обусловлен не столько государственным несовершенством, хотя оно и обостряет этот трагизм, сколько онтологической открытостью героя-христианина, путь к воскресению которого лежит через личную Голгофу. На своей родной земле лесковский герой, как и подобает ученику Христа, терпит скорби. Несмотря на изъяны и пороки этой земли, Левша смотрит на неё глазами Христа, с кроткой любовью. «Родная земля» для Левши – это, прежде всего, святая земля с освящённым на ней храмом, куда ходят его «тятенька» и «родительница».

Одна из главных тем Н. С. Лескова – великое христианское сердце «простого» и хуторного русского человека, воспринимаемого миром

в качестве презренного дурачка. Именно таких любит лесковский Христос. Левше не нужно ничего, он живёт своей любовью к родине, к её святости. Эта любовь не может быть напрасной, она не получает награды на земле, потому что и не просит её. Напротив, земле необходима чистая, бескорыстная любовь таких, как Левша, призванных восполнить оскудение любви на земле.

История о юродивом герое не могла быть рассказана на языке литературной нормы, поэтому само лесковское повествование «рядится» в «чрезмерные» [Мосалева 2011: 179-183], «юродские одежды». Метафизика юродивого героя требовала и особой метафизики повествования. Оттого так многообразны жанровые и иные литературные формы в «Левше» (сказ, легенда, сказка, житие, религиозный экфрасис, паломничество). Текст Лескова – это почти всегда «кружево» древнерусской словесности [Мосалева 2019: 80]. В нём, в том числе и в «Левше», проявляются все характерные свойства церковно-книжного канона: теоцентризм/христороцентризм, храмовость, иконичность, литургичность (указание на богослужение и благовестие), христианский символизм, вероисповедность, сотериологичность.

В лесковском повествовании авторский образ часто прячется за маской рассказчика, однако тем самым и обнаруживает себя. В «Левше» это обнаружение связано с именным сюжетом: имя Николай трижды фигурирует в тексте: как имя государя Николая Павловича, как имя Святого, чудотворца Николая и, наконец, как личное имя писателя. Таким образом, в «Левше», наряду с вероисповедностью героя, манифестируется и вероисповедность автора, избегающего личной формы повествования.

«Троичные мотивы», характерные для рассказа о работе «трех искусников», соборным образом осуществивших «удивительное дело», оказываются присущими и именному сюжету. Получается, что «одним из трёх» поставляет себя и Н. С. Лесков в деле записывания легенды о герое-праведнике. Любимая литературная маска Н. С. Лескова, по точному наблюдению К. Н. Зайцева, – «благочестивый агиограф» [Зайцев 2018: 284]. Как правило, имя агиографа читателю неизвестно. Н. С. Лесков не обнаруживает себя в «чрезмерной», юродской речи рассказчика «Левши», во всяком случае, явным образом. И в этом смысле Н. С. Лесков словно становится двойником своего героя. Как и Левша, он не стремится найти себе место в тексте ради увековечивания своего имени, выковывая свои «литературные гвоздики» без «мелкоскопа». Оттого история о Левше выходит «за рамки» личного и общественного в пространство сверхличного и вечного.

ЛИТЕРАТУРА

Волынский, А. Н. С. Лесков / А. Волынский // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2011. – С. 40-156.

Гуминский, В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий / В. М. Гуминский // Теория Традиции : христианство и русская словесность. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-т, 2009. – С. 59-97.

Дурылин, С. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества / С. Дурылин. – URL: http://az.lib.ru/d/durylin_s_n/text_1913_leskov.shtml (дата обращения: 21.10.2022). – Текст : электронный.

Зайцев, К. Н. Н. С. Лесков (К столетию рождения, заметки) / К. Н. Зайцев // Зайцев К. Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. А. М. Любомудрова. – СПб. : Росток, 2018. – С. 276-285.

Измайлов, А. Лесков и его время / А. Измайлов // Н. С. Лесков: классик в неклассическом освещении. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2011. – С. 157-435.

Кучерская, М. Лесков: Прозёванный гений / М. Кучерская. – М. : Молодая гвардия, 2021. – 656 с.

Левшун, Л. Философия творчества: «художество» и «хытрость» / Л. Левшун // Левшун Л. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. – Минск : Экономпресс, 2001. – С. 37-46.

Лесков, Н. С. Письмо И. С. Аксакову от 10 мая 1881 г. / Н. С. Лесков // ИРЛИ. Ф. 3, опись 4, ед. хр. 337.

Лесков, Н. О русском левше (Литературное объяснение) / Н. Лесков // Лесков Н. Собр. соч. : в 11 т. Т. 11. – М. : ГИХЛ, 1958. – С. 219-220.

Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 2 / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 416 с.

Лесков, Н. Сказ о Тульском косом левше и о стальной блохе / Н. Лесков // Русь. – 1881. – №№ 49-51.

Мосалева, Г. В. Феномен юродства в «чрезмерной» поэтике Н. С. Лескова / Г. В. Мосалева // Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: Текстология и поэтика. – М. : НИП «ВФК», 2011. – С. 179-186.

Мосалева, Г. В. Изографы русской словесности: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев / Г. В. Мосалева. – Ижевск : Изд. центр «Удмурт. ун-т», 2019. – 195 с.

Ранчин, А. «Левша» Лескова и русская национальная мифология / А. Ранчин // Россия XXI. – 2018. – № 3. – С. 114-141.

Федотов, Г. Юродивые / Г. Федотов // Федотов Г. Святые Древней Руси. – СПб. : Изд-во «Сатисъ», 2004. – С. 242-258.

REFERENCES

- Volynskii, A. N. S. Leskov / A. Volynskii // N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii. – SPb. : Izd-vo «Vladimir Dal'», 2011. – S. 40-156.
- Guminskii, V. M. Palomnicheskaya traditsiya v russkoi literature puteshestvii / V. M. Guminskii // Teoriya Traditsii : khristianstvo i russkaya slovesnost'. – Izhevsk : Izd-vo Udmurt. un-t, 2009. – S. 59-97.
- Durylin, S. Nikolai Semenovich Leskov. Opyt kharakteristiki lichnosti i religioznogo tvorchestva / S. Durylin. – URL: http://az.lib.ru/d/durylin_s_n/text_1913_leskov.shtml (data obrashcheniya: 21.10.2022). – Tekst : elektronnyi.
- Zaitsev, K. N. N. S. Leskov (K stoletiyu rozhdeniya, zametki) / K. N. Zaitsev // Zaitsev K. Otbleski Vechnogo. Neizvestnye rasskazy, esse, vospominaniya, interv'yuy / sost., vstup. st., podgot. teksta, komment. A. M. Lyubomudrova. – SPb. : Rostok, 2018. – S. 276-285.
- Izmailov, A. Leskov i ego vremena / A. Izmailov // N. S. Leskov: klassik v neklassicheskom osveshchenii. – SPb. : Izd-vo «Vladimir Dal'», 2011. – S. 157-435.
- Kucherskaya, M. Leskov: Prozevanniye genii / M. Kucherskaya. – M. : Molodaya gvardiya, 2021. – 656 s.
- Levshun, L. Filosofiya tvorchestva: «khudozh'stvo» i «khytost'» / L. Levshun // Levshun L. Istoriya vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov. – Minsk : Ekonompress, 2001. – S. 37-46.
- Leskov, N. S. Pis'mo I. S. Aksakovu ot 10 maya 1881 g. / N. S. Leskov // IRLI. F. 3, opis' 4, ed. khr. 337.
- Leskov, N. O russkom levshe (Literaturnoe ob'yasnenie) / N. Leskov // Leskov N. Sobr. soch. : v 11 t. T. 11. – M. : GIKhL, 1958. – S. 219-220.
- Leskov N. S. Sobraenie sochinenii : v 12 t. T. 2 / N. S. Leskov. – M. : Pravda, 1989. – 416 s.
- Leskov, N. Skaz o Tul'skom kosom levshe i o stal'noi blokhe / N. Leskov // Rus'. – 1881. – №№ 49-51.
- Mosaleva, G. V. Fenomen yurodstva v «chrezmernoi» poetike N. S. Leskova / G. V. Mosaleva // Leskoviana. Dokumental'noe nasledie N. S. Leskova: Tekstologiya i poetika. – M. : NIP «VFK», 2011. – S. 179-186.
- Mosaleva, G. V. Izografyy russkoi slovesnosti: A. N. Ostrovskii, N. S. Leskov, I. S. Shmelev / G. V. Mosaleva. – Izhevsk : Izd. tsentr «Udmurt. un-t», 2019. – 195 s.
- Ranchin, A. «Levsha» Leskova i russkaya natsional'naya mifologiya / A. Ranchin // Rossiya XXI. – 2018. – № 3. – S. 114-141.
- Fedotov, G. Yurodivye / G. Fedotov // Fedotov G. Svyatye Drevnei Rusi. – SPb. : Izd-vo «Satis», 2004. – S. 242-258.

Сведения об авторе

Мосалева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

E-mail: mosalevagv@yandex.ru.

Author's information

Mosaleva Galina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).